

© 2022. **О. Л. Фетисенко**
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

«Пессимист»: утраченный роман К. Н. Леонтьева

Аннотация: Жанр романа в разных формах и подвидах, но почти всегда с заметным присутствием автобиографического начала, привлекал К. Н. Леонтьева на протяжении всей его жизни. Несколько произведений остались незавершенными, в том числе и задуманный в конце 1870-х гг. роман из современной русской жизни, имевший три варианта заглавия — «Пессимист», «Против течения» и «Пророк в отчизне». Сохранилась (возможно, в неполном виде) лишь одна из первых глав и множество упоминаний о дорогом для автора замысле в его письмах. Этот материал позволяет довольно точно выстроить хронологическую канву работы над романом, показать причины, по которым она была прекращена, получить представление о предполагаемом содержании произведения, а также установить, кто являлся прототипами главных действующих лиц. Решению этих задач и посвящена статья.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, роман, «Пессимист», творческая история, формирование замысла, прототипы, князь А. Н. Цертелев.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 01.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 14.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Фетисенко О. Л. «Пессимист»: утраченный роман К. Н. Леонтьева // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 216–239. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-216-239>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 216–239. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 216–239. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

“The Pessimist” — a Lost Novel by K. N. Leontiev

Abstract: The genre of the novel in its various forms attracted K. N. Leontiev (1831–1891) throughout his life. However, several works remained unfinished, including a novel that had three versions of the title: “The Pessimist,” “Against the Current” and “The Prophet in the Fatherland.” The author wanted to use contemporary material in his novel, i. e. Russian life in the 1870s. Of all the creative manuscripts, only one chapter has been preserved, but the many references to this work in the author’s letters make it possible to build a chronological outline of the work on it, get an idea of its content and establish the prototypes of the main characters. The article is devoted to the solution of these problems.

Keywords: K. N. Leontiev, novel, “The Pessimist,” creative history, concept formation, prototypes, Prince A. N. Tsertelev.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: August 01, 2022

Approved after reviewing: September 14, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Fetisenko, O. L. “‘The Pessimist’ — a Lost Novel by K. N. Leontiev.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 216–239. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-216-239>

К жанру романа К. Н. Леонтьев обратился в самом начале своей литературной деятельности. Первый набросок к будущим «Подлипкам» (роман опубликован в 1861 г.) сделан им «в 52-м или 53-м году» [Леонтьев б. 1: 47]. Годом раньше, испытав первые цензурные прещения, он бросил начатый еще раньше роман «Булавинский завод», резонно предположив, что из него разрешат лишь «описания» [Леонтьев б. 1: 745]. К сожалению, рукописи художественных произведений Леонтьева сохранились далеко не в полном виде. И это относится не только к самому раннему периоду. К примеру, ни одной строки не уцелело от романа «Война и Юг», задуманного после Крымской войны (Леонтьев принимал в ней участие как военный лекарь, младший ординатор), а из произведения, о котором пойдет речь в данной статье, известна лишь одна глава или ее часть.

Все романы Леонтьева имеют явный автобиографический подтекст¹ или связаны с историей его семьи, как утраченная эпопея «Река времен»². Открывают ряд созданных им произведений крупной формы два романа из русской жизни: «Подлипки» и «В своем краю» (1864). Всё написанное до этого Леонтьев позднее хотел считать «яко не бывшим» и не советовал переиздавать. Сложным было и отношение автора к повести «Исповедь мужа», в 1867 г. изданной в «Отечественных записках» под названием «Ай-Бурун». Дважды он принимался править ее и тоже не хотел видеть переизданной. Около 10 лет были отданы работе над эпопеей «Река времен». Несколько готовых романов сожжено автором в Каламарии под Салониками в 1871 г., не уничтоженным остался лишь черновик романа «От осени до осени», вероятно, относящийся еще к 1860-м гг. Любимым детищем Леонтьева был начатый в

¹ В свое время Ю. П. Иваск справедливо писал о том, что «все вообще леонтьевские супергерои» «чем-то напоминают автора» [Иваск: 315].

² См. об этом: [Фетисенко 2013].

1870 г. роман «Генерал Матвеев», произведение, которое ожидала трудная судьба — скитания по редакциям. В новой редакции и под другим названием («Две избранницы») в 1885 г. в журнале «Россия» будет опубликована только первая его часть. Вторая часть впервые издана по рукописи в академическом собрании сочинений, а третья пропала в редакции «России».

К периоду религиозного обращения Леонтьева (1871–1872) относится возникновение замысла романа-эпопеи «Одиссей Полихронидес», возвышающегося над начатым несколькими годами ранее циклом повестей и рассказов «Из жизни христиан в Турции». Роман печатался в «Русском вестнике» в 1875–1878 гг., еще один фрагмент из него был издан в 1882 г. В первые годы после русско-турецкой войны задуман «Пессимист», а чуть позже возникает замысел романа «Святогорские отшельники». Леонтьев все чаще думает о том, чтобы в художественной форме рассказать историю пережитого им кризиса и прихода к «личному Православию». С этой же задачей будет связан самый последний его роман, «Подруги» (1889). Тем временем в 1881–1882 гг. создается другой, снова с автобиографической основой, текст — оставшийся незавершенным «Египетский голубь». Сейчас это произведение воспринимается как признанный шедевр [Иванов; Котельников; Филиппов], сам же автор постоянно твердил, что тяготится им, пишет лишь для заработка в «Русском вестнике», и только изредка, захваченный воспоминаниями о годах своей дипломатической службы, трудился с увлечением.

Как видим, более-менее завершены лишь те произведения, что были приняты А. А. Краевским в «Отечественные записки» или, позднее, М. Н. Катковым в «Русский вестник». Леонтьев обычно не хранил черновики уже опубликованных произведений (беловые рукописи оставались в редакциях), неизданное же сберегал¹. Так было и с «Пессимистом». Душеприказчики (Н. М. Боборыкин и А. А. Александров) обнаружили, разбирая леонтьевский архив, шесть тетрадей с рукописью этого романа². Племянница и наследница писателя М. В. Леон-

¹ Даже во время Крымской войны, когда был прикомандирован к казачьему полку, Леонтьев во время внезапных перемещений первым делом кричал денщику, чтобы тот берег его бумаги (письмо к матери от 13 сентября 1855 г.) [Леонтьев 11. 1: 113].

² См.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 6.

тьева в 1899 г., возможно, их получила¹, но в дальнейшем они были утрачены и к о. Иосифу Фуделю, готовившему первое издание собрания сочинений Леонтьева, уже не попали². Сохранилась (в виде копии М. В. Леонтьевой с авторской правкой на отдельных листах) лишь третья глава, содержащая, в частности, довольно большой вычеркнутый автором фрагмент). Ныне опубликованная, она занимает в книге всего 8 страниц (не считая зачеркнутого текста, прибавляющего еще полторы страницы) [Леонтьев 5: 569–576, 760–762].

Действие в этой главе происходит летом 1877 г. в Пахомове, имении главного героя, Владимира Львова³. (Год устанавливается прежде всего по упоминанию «борьбы под Плевной» [Леонтьев 5: 570].) Два бывших сослуживца за ужином ведут разговор о политике, о войне, вспоминают общих знакомых. Львов философствует о том, что значение личного разума и индивидуальной воли в истории равно нулю; показывает гостю (Маврокордато) своих «детей души» — двух крестьянских девочек и мальчика. Посетитель размышляет про себя об увиденном: «Я думал, что он тоскует и убит... а он, кажется, здесь очень счастлив.... <...> повар хорош; дом очень мил; — книги; — мысль, свобода!» [Леонтьев 5: 576]. Наконец, гость обнаруживает в листаемой им книге Шопенгауэра интимную записку от соседской барышни, влюбленной

¹ На описи после подписей ее составителей есть приписка О. М. Кошевской (1837–1903), двоюродной сестры А. Н. и А. А. Майковых, которая при жизни Леонтьева часто выполняла его литературные поручения: «Сорок две рукописи согласно этой описи для передачи Марии Владимировне Леонтьевой, по доверенности ее, получила 8-ого октября 1899 года от Анатолия Александровича Александра / Ольга Кошевская. / Мой адрес / Кирочная д. 23. Кв. 36» [Там же].

² Поэтому рядом с соответствующей строкой описи и поставлен карандашом вопросительный знак [Там же]. См.: Там же. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1050 (Фудель И., прот. Список рукописей К. Н. Леонтьева, имеющихся в его распоряжении. 1910).

³ Имя и фамилия героя содержат отсылку к прежним произведениям Леонтьева: Володей звали героя-рассказчика в автобиографических «Подлипках» (ср.: повествователь в «Египетском голубе» будет назван Владимиром Ладневым), а фамилию «Львовы», одной этимологии с собственной (leo, лев), автор дал семье, история которой описывалась в «Реке времен». Но там героя, за которым стоял сам Константин Николаевич, правда, звали Андреем. Имя Владимир носил один старших братьев Леонтьева.

в главного героя. Зачеркнутый фрагмент позволяет сделать некоторые предположения еще о нескольких персонажах романа.

О замысле и его развитии известно, по письмам Леонтьева, довольно много. Постараемся выстроить хронологическую канву работы над произведением и разобраться, почему роман был заброшен, раз уж нельзя в настоящее время выяснить, где находится полная рукопись.

Впечатления, которые так или иначе пригодились бы для этого романа, начали складываться еще в первые годы по возвращении Леонтьева с Афона, т. е. в 1873–1874 г. Писатель уже словно видел со стороны историю своего религиозного обращения. (Ср. с позднейшим его высказыванием о романе «Пессимист»: «...пессимист <...> перейдет в искреннее Православие» [Леонтьев 12. 2: 347].) В константинопольском посольстве, где вышедший в отставку салоникийский консул бывал до самого отъезда в Россию в мае 1874 г., велись разговоры о трансцендентальной философии [Фетисенко 2016], обсуждались сочинения Эдуарда фон Гартмана, прежде всего его «Философия бессознательного». Интерес у Леонтьева к этому кругу вопросов сохранится и в дальнейшем [Фетисенко 2018]. В это время состоялось знакомство с молодыми дипломатами, поступившими в посольство уже после последнего перед этим пребывания Леонтьева в Константинополе. Об одном из этих новых его собеседников будет сказано дальше. Затем «прирастали» впечатления русской жизни: неузнаваемая пореформенная Москва, Калуга, разоренное имение (Кудиново), суеющийся Петербург; старание жить по монашеским обетам и встречающиеся искушения — влюбленность Л. О. Раевской (барышни из соседнего имения, подруги М. В. Леонтьевой) и — в столице — тонкое светское кокетство О. С. Карцовой¹; обретение «детей души», неудачные попытки вернуться на дипломатическую службу в 1878 г. и потрясшее Леонтьева в том же году дело Веры Засулич, открывшее эпоху террора².

¹ Ко всей семье Карцовых, состоявшей из матери и троих взрослых детей, Леонтьев испытывал влюбленную привязанность, завершившуюся в начале 1879 г. большим разочарованием. См.: [Карцов 1911]; о взаимоотношениях с О. С. Карцовой (1856–1934) см.: [Букреева, Фетисенко].

² Из событий 1878 г. нужно вспомнить также раннюю кончину духовного друга Леонтьева, оптинского иеромонаха Климента (Зедергольма), прекращение работы над романом «Одиссей Полихрониадес» и неудачную поездку в Константинополь корреспондентом «Московских

Новый роман был начат как ответ на вызов Вс. С. Соловьева, не раз замечавшего в своих обозрениях «Современная литература»¹, что только Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой могут дать серьезные произведения, откликающиеся на самые насущные вопросы русской жизни. Критик писал в 1876 г., что не все писатели могут «надлежащим образом осветить туман переходного времени, в котором мы живем» [Розанов, Леонтьев: 333]. Когда в письме к Вс. Соловьеву от 10 января 1879 г. Леонтьев сообщает, не случайно сделав подчеркивание: «Роман начал из *русской жизни* по вашему желанию...» [Леонтьев 11. 2: 293], он откликается одновременно и на эти прежние статьи адресата, и на разговоры при личных встречах с ним в Петербурге в прошедшем году.

8 апреля 1878 г. Леонтьев, живший тогда в Любани, приглашал Ю. С. Карцова (в то время — молодого чиновника Азиатского департамента МИД) приехать к нему по литературному делу², что и было исполнено. Из дальнейшей переписки ясно, что с ним обсуждался план большого романа — с более широкой панорамой «русской жизни», осенью же Леонтьев решит писать «менее обширный» [Леонтьев 11. 2: 279], сосредоточенный на личности главного героя. Это предполагало бы и «любовную линию».

3 сентября в письме к Ольге Карцовой Леонтьев шутливо восклицает: «Все мне хочется вас, О<льга> С<ергеевна>, описать, но сюжета не придумал еще; помогите!» [Леонтьев 11. 2: 242]. А уже 30 октября сообщает своему другу К. А. Губастову [Фетисенко 2021], что уже приступил к работе над романом, и перечисляет его темы: «Я начал роман из современ<ной> русской жизни; — действие будет происходить *третье-го* и *прошлого* года в Петербурге и его окрестностях. — Вы понимаете?»³

ведомостей» (из-за болезни пришлось вернуться, добравшись лишь до Киева).

¹ Часть из них вошло в издание: [Розанов и Леонтьев].

² Ср. с позднейшим признанием последнего по времени из молодых друзей Леонтьева, Ф. П. Чуфрина о том, что тот любил «проверять свои мысли <...> мнением другого», поэтому читал свои новые произведения вслух или давал рукописи «для прочтения» [Пророки Византизма: 649].

³ Губастов должен был разглядеть за этим «Вы понимаете?» историю пребывания Леонтьева в Петербурге и Любани и догадаться, что среди действующих лиц романа может найти и самого себя (в 1878 г. он жил в одних меблированных комнатах с Леонтьевым — на Большой Мор-

Будет там спиритизм, Православие, немного (вдали) нигилизм, — Гартман и Шопенгауер, Цертелев¹ и многое другое. — Я полагаю, что он будет занимателен и правдив. — А впрочем — что Бог даст!» [Леонтьев 11. 2: 256]. В письме к драматургу Н. Я. Соловьеву от 4–5 ноября тоже упоминается начатая «повесть из современной русской жизни» [Леонтьев 11. 2: 260]². «Охота писать большая; — признается Леонтьев в письме к Е. С. Карцовой, матери своих любимых «тиграт» — Юрия и Ольги, — но еще здесь в первые дни покоя мало» (письмо от 9 ноября 1878 г. [Леонтьев 11. 2: 263]).

Некоторые детали замысла раскрываются в письме к О. Карцовой от 12–13 ноября: «...Я начал роман, в котором вы будете играть большую роль. Все хочу описать, и арфу³, и не арфу, и все. <...> Постараюсь, будьте покойны, чтобы вы были довольны, а что будут многие вас узнавать, это не беда! Сначала будет неловко, потом привыкнете и будете довольны. Будет тут что-то вроде Цертелева, вроде Г<ейде>на⁴, вроде того тигра, который сжег лошадь, и вроде других. Только опишите мне какой-нибудь хороший туалет для бала на девушке такой, как вы. Идеального в этом романе будет очень много. Напишите мне, как вы находите “Четверть века назад”» [Леонтьев 11. 2: 270–271]. Карцова отвечала, что ее самолюбие «приятно задето» [Леонтьев 11. 2: 717]. Вопрос о нравившемся самому Леонтьеву романе Б. М. Маркевича⁵ наводит на мысль, что в собствен-

ской — и был безответно влюблен в О. Карцову). Следует сразу уточнить временные рамки. По письмам Леонтьева ясно, что, когда он говорил, например, осенью о «прошлой весне», предполагалась не весна прошлого года, а ближайшая по времени, но ведь уже прошедшая. Так и здесь, мысля светскими «сезонами», под прошлым и позапрошлым («третьим») годами можно разуметь сезоны 1876/1877 и 1877/1878 гг., т. е. период, начинающийся с добровольческого движения 1876 г. и охватывающий всю русско-турецкую войну.

¹ Речь идет об А. Н. Цертелеве; см. в конце статьи.

² Применительно к одному и тому же произведению Леонтьев часто употреблял разные термины: то повесть, то роман.

³ О. Карцова училась игре на арфе у профессора петербургской Консерватории А. Г. Цабеля.

⁴ Граф Александр Федорович Гейден (1859–1919) был одним из поклонников О. Карцовой. См. о нем: [Леонтьев 11. 2: 654].

⁵ См. об этом: [Котельников 2021], [Фетисенко 2012: 342–352]. Леонтьев считал, что «весь Тургенев — одной главы этого романа не стоит!» (пись-

ном произведении он, возможно, намеревался создать что-то подобное и, в частности, не бояться «узнаваемости» своих персонажей.

«...Я задумал писать роман из русской, современной жизни, такой хороший, такой живой и смелый...» — делился он с Н. Соловьевым 29 декабря 1878 г. [Леонтьев 11. 2: 285]; а в письме Вс. Соловьеву от 10 января 1879 г. задавался вопросом, «не слишком ли дерзок он <роман. — О. Ф.> будет» [Леонтьев 11. 2: 294]. «...Роман этот такого рода, что он едва ли может быть напечатан у Каткова или у кого бы то ни было. — А надо серьезно подумать заранее о заграничной печати» [Леонтьев 11. 2: 286]. Вот почему через того же Н. Соловьева Леонтьев искал адреса немецких издателей [Леонтьев 11. 2: 277, 286], пытался вспомнить — кто несколько лет тому назад переиздал в Лейпциге его повесть «Пембе» (это был основатель серии «Русская библиотека» Вольфганг Гергардт) [Леонтьев 11. 2: 32, 277].

Свою авторскую дерзость Леонтьев видел в том, что во всеохватывающем пессимизме он не оставляет читателям никакой надежды. Поэтому в письме к Вс. Соловьеву он и цитировал Данте: «Остав<ь>те всякую надежду», а далее пояснял: «Ничего кроме прозы и разрушения нет впереди; не только в Европе, но и у славян и *даже в Азии...* <...> Мусульманство *везде* гибнет под ударами не Христианства (какое это Христианство и петербургское и лондонское... Христианство — вот здесь в Оптиной да на Афоне), но под ударами все того же прогрессивного европейского мещанства, у нас *притаившегося* за Гуркой, за Скобелевым¹, за мужиком; а в Англии <...> *за Лордами*, у которых очень скоро отнимут право первородства и разжалуют в мещане и простые землевладельцы так, как разжаловали наших Вронских, Облонских и Шастуновых² — в это же самое благодетельные реформы...

Понимаете — всё один ч..... Всё Гамбетта, Вирхов, Ласкер, Тьер, Бильбасов³, болгарские прогрессисты, Шатов...⁴ Всё одно, одно... А это

мо к Губастову от 4–19 июля 1885 г.) [Леонтьев 12 1: 116–117].

¹ Упомянуты наиболее яркие полководцы – герои русско-турецкой войны: И. В. Гурко-Ромейко и М. Д. Скобелев.

² Князь Ларион Шастунов – герой упомянутого выше романа Маркевича.

³ Зять Краевского и соредатор «Голоса» В. А. Бильбасов оказался здесь в компании европейских либеральных политических деятелей и ученых.

⁴ Примечание Леонтьева к упоминанию о Шатове: «Не говорите, ради Бога, этого *Достоевскому*... Убьет!»

одно — *сухо и плохо*. — Где ж луч, где заря, где *варвары?*.. *Их нет!* А без варваров что делать?..

Трудно это изобразить ясно в романе, но хочу хоть *неясно*, да изобразить...» [Леонтьев 11. 2: 293–294].

Важное признание содержится и в письме к Т. И. Филиппову от 11 мая 1879 г.: «Я осенью начал работу из современной русской жизни (в самом пессимистическом духе и анти-либеральном вместе с тем); прав ли или нет в том пессимизме, который проповедует мой герой; но у меня нестерпимая потребность это написать...» [Леонтьев 11. 2: 331]. Какое отличие от настроения, с которым писался впоследствии «Египетский голубь»! И однако тот — почти законченная образцовая вещь, а «Пессимист» утрачен...

К началу декабря было написано 5–6 глав (письмо Т. И. Филиппову от 11 мая 1879 г.) [Леонтьев 11. 2: 331]. Леонтьев говорил, что на роман ему нужно два или даже три спокойных года. И, конечно, их не оказалось. В конце года его постигла серьезная финансовая катастрофа: Леонтьев уже давно сильно задолжал редакции «Русского вестника». Катков слал ему щедрые авансы в Константинополь, а потом долгое время не печатал ничего из предлагаемых ему новых вещей. Так образовался долг, погашаемый много лет путем вычитания четверти суммы из гонораров. Рассчитывая на пусть и урезанную таким образом выплату за последние части «Одиссея Полихрониадеса», Леонтьев нанял квартиру в Козельске, куда перевез всю свою «сборную» семью: жену, двух племянниц, «детей души» и мать одной из девочек в качестве прислуги. И вот во второй половине декабря выяснилось, что Катков на этот раз решил разом погасить большую часть долга (950 руб. из оставшихся 2000¹) и не заплатит автору вообще ничего. «...Сразил и запутал меня отказ Каткова», — писал Леонтьев Н. Соловьеву [Леонтьев 11. 2: 286]. От квартиры пришлось отказаться, в Кудиново зимой давно не жили. Племянницам пришлось поступать в гувернантки, а самого Леонтьева старец Амвросий приютил в скиту Оптиной пустыни.

В борьбе с тяжелейшим унынием он живет там несколько месяцев подряд и работает над книгой об о. Клименте. Поздней весной возвращается в Кудиново, откуда 20 июня пишет Н. Соловьеву, что роман

¹ См. письмо к Вс. Соловьеву, ок. 10 января 1879 г. [Леонтьев 11. 2: 291].

продолжать невозможно¹. Тем не менее в конце июня он получил назад от М. В. Леонтьевой переписанными набело то ли весь роман, то ли только те же 5–6 глав. (В мае или начале июня Леонтьев ездил навещать ее в имение Матвеевой, где она служила гувернанткой, и там, видимо, и передал свой черновик.) По письму выходит, что весь роман: «Маша, с неделю тому назад я получил мой роман твоего рукописания и *приписку* карандашом, что *это очень хорошо*» [Леонтьев 11. 2: 343]. Но скорее все же — только эти первые главы (ср. то, что сказано в письме к Н. Соловьеву о невозможности работать). Однако в любом случае ясно, что автор в это время намеревался при первом досуге продолжать работу². Из январского (1880 г.) письма Ф. Н. Берга к Губастову мы узнаем приблизительный объем уже написанного им: 7 авторских листов.

Ф. Н. Берг познакомился с Леонтьевым летом 1874 г. и сразу заявил себя его давним поклонником. Теперь он был редактором «Нивы», куда Леонтьев и предложил свой роман, понимая, что Каткову его слишком «пессимистический» взгляд на вещи не понравится³. Берг, однако, не

¹ «...Всё на мне, начиная с кухни и кончая статьями в “Восток”... Больные, аренда, чистота двора и сада, почта, расходы, сроки процентов, Болгарский вопрос, долги, долги, долги... <...> О том, чтобы продолжать тот большой роман из русск<ой> жизни, к<ото>рый я было решил начать зимою, и думать невозможно. — Невозможно углубиться и предаться той задумчивой и осмысленной лени, которая родит живые образы и наводит на неожиданные соображения» [Леонтьев 11. 2: 341–342]. «Восток» — начавшая выходить в Москве в 1879 г. газета (редактор-издатель Н. Н. Дурново), для которой Леонтьев написал несколько статей (цикл «Письма отшельника»).

² Ср. в письме к Т. И. Филиппову от 19 марта 1880 г.: «Ах, как бы я был рад получить цензорское место в *Москве* и в часы досуга добраться до моего большого *романа!*» [Леонтьев 11. 2: 372].

³ Напомним примечательный фрагмент из статьи «Еще о “Дикарке” гг. Соловьева и Островского» (1880): «...мимоходом позволю себе бросить только самый легкий луч на ту “темную” часть моей души, которая никогда в круг освещения “Московских Ведомостей” и “Русского Вестника” не попадала.

Я, например, имею глупость считать *разрушительным* весь смысл общевропейского эмансипационного прогресса: восхищаться *машинами* не умею; турки мне нравятся; Гладстона я считаю ограниченным человеком, который говорит всё какие-то поверхностные вещи <...>. Может ли г. Катков, человек *минуты*, человек огромного *практического*, непосред-

был заинтересован в получении большого произведения (портфель редакции популярного журнала всегда был переполнен), да и нужно ему было что-то попроще («беллетристика», а не леонтьевские философствования), он желал бы поместить только какой-нибудь короткий рассказ. Хотя 19 декабря 1879 г. еще обнадеживал: присылайте, там решим.

«Присылайте, Константин Николаевич, пожалуста, во всяком случае. Конечно, пока Вы писали, у нас уже много приобретено произведений, но это ничего не значит, и я жду давно. Присылайте целиком, если оно готово, и мы решим с двух слов. Только мне нужно знать сколько Вы получаете в Р<усском> Вестнике, чтобы выслать Вам деньги. Больше об этом и говорить нечего»¹.

Как раз в это время Леонтьев готовился к переезду в Варшаву, куда был приглашен помощником редактора «Варшавского дневника». Посредником в этом деле был упомянутый выше Губастов, тогда — дипломатический чиновник при генерал-губернаторе. К этому-то приятелю Леонтьева² Берг 11 января 1880 г. обратился с лукавым советом. «Что касается повести Л<еонтьева> (между нами), то признаюсь, 7 листов — это неудобно. <...> пока К. Н. писал для нас (вот уже год), я приобрел много довольно больших вещей, и при небольшом размере журнала всего этого девать некуда. Если бы Вы *перебили* ее у меня, даже с видом будто мы с Вами завели пререкания, борясь за удовольствие печатанья, я не прочь бы. Конечно, я уверен, что это хорошо, но поднимать толки об новой вещи с моим купцом — неудобно и неприятно, тем более что запас есть большой» (цит. по: [Леонтьев 5: 910]).

В это время Леонтьев называет свой роман иначе: «Против течения», конечно, держа в памяти известное стихотворение графа А. К. Толстого³. О желании продолжать работу говорится в письме к Т. И. Филип-

ственного влияния печатать у себя подобные странные мнения?.. Конечно, нет. Он прав; но и я остаюсь при своем...» [Леонтьев 9: 120–121].

¹ ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 10.

² По упоминаниям в позднейшей переписке Леонтьева с Губастовым ясно, что первый читал ему в Варшаве свой роман. См. об этом, например, в письме 1889 г.: [Леонтьев 12. 2: 324].

³ Не исключено, что это заглавие предложил Губастов. Ср. в приведенной ниже цитате из письма к нему от 1 января 1883 г.: «то, что Вы называете...».

пову от 12 марта 1880 г.: «Я обдумал ясно и начал еще прошлого года¹ большой роман и очень правдивый из современной русской жизни. Но, поверьте, срочные занятия и вообще “борьба за существование” не дают мне возможности его продолжать. Называется он “Против течения”. Я уверен, что он Вам очень бы понравился, и я бы его кончил в один или полтора года, если бы мог хоть *три раза* в неделю за него садиться. Но ни жизнь моя в деревне, ни жизнь в Варшаве не дают возможности ничем кроме *срочной* работы заняться. Так все и пропадает» [Леонтьев 11. 2: 366]².

Сотрудничество с варшавской газетой прекратилось через полгода, и безденежье не оставляло возможности для искомого «досуга». В следующем году в чрезвычайно тяжелый для Леонтьева период был начат легкий, воздушный «Египетский голубь». «Пессимист» был сначала не совсем заброшен, а отложен. Остановливало, возможно, то, что пришлось бы касаться периода, когда автор не был доволен своим положением и внутренним состоянием. И все же работа продолжала манить к себе. «...Вздохнется иногда, когда подумаешь, что занимаешься Египетским Голубем, когда нужно бы продолжать то, что Вы называете “Против течения”», — писал Леонтьев Губастову (точнее — диктовал М. В. Леонтьевой) 1 января 1883 г. [Леонтьев 12. 1: 13]. Однако в это время и «Голубь» был уже отринут автором (публикация в «Русском Вестнике» прервалась буквально на полуслове, несколько глав продолжения сохранилось лишь в черновиках и было опубликовано только посмертно в том же томе, что и фрагмент «Пессимиста»). «Воздыхание» об отложенном романе было откликом на слова Губастова в письме от 19 декабря 1882 г.: «Мне лично было бы приятнее, если бы Вы могли скорее окончить “Голубя”, который, подозреваю я, невольно отвлекает Вас от продолжения начатого Вами “Против течения”,... а мне хотелось бы поскорее начать чтение этого много обещавшего романа. Впрочем, кто знает, может быть, любезный мне “Против течения” и выиграет от этого замедления?» [Леонтьев 12. 1: 447–448].

¹ На самом деле уже позапрошлого, но Леонтьев, как уже было сказано, исчислял время сезонами: 1878/79, 1879/80.

² Упоминание о романе «Против течения» есть и в письме к тому же лицу от 15 апреля [Леонтьев 12. 1: 375].

Около этого времени Леонтьев читает первые главы этого романа (а других, напомним, возможно, и не было) своим ученикам и нескольким избранным дамам. Это могло произойти как в его квартире, так и у графини С. А. Толстой, вдовы А. К. Толстого, которую он тогда посещал. Может быть, к 1883 г. относится правка в сохранившейся третьей главе. Чтение у П. Е. Астафьева упоминается в письме к одному из учеников, Г. И. Замараеву, от 16 октября 1884 г.: «Я *по пятницам* читаю у Астафьева новый роман и очень жалею, что Вас нет в числе публики. — Очень одобряют» [Леонтьев 12. 1: 76].

В письме к Филиппову от декабря 1885 г. (точнее датировать невозможно, поскольку начало письма не сохранилось) звучит новое название романа (уже третий вариант): «Пророк в отчизне»: «Другой роман я бы назвал: “Пророк в отчизне”. <...> План этого труда еще шире. <Чем изложенный выше в том же письме замысел романа «Святогорские отшельники» — о том, как современный человек обращается в Православие. — О. Ф.> Драма *личная*, трагедия сердца идет вперемежку с проповедью мысли. Человек этот задумал научно доказать, что так нельзя, прогресс уже потому не серьезная вещь, что рано или поздно гибель человечества, т. е. “светопреставление” неизбежно. Начало я читал два раза при студентах и при женщинах. Говорят, что оно необыкновенно живо и весело» [Леонтьев 12. 1: 167].

В 1890 г. Леонтьев, рассказывая о своем новом замысле А. А. Александрову (еще одному своему ученику, как и Замараев, бывшему лицеисту-катковцу), напомним о «Пессимисте», упоминая содержание первой или второй главы: «Это не то, что я Вам читал: “Дипломат Маврокордато едет через лес к помещику и философу-Пессимисту Львову и т. д.”» [Леонтьев: 12. 2: 473]. Сразу возникает вопрос: когда читал? В 1883–1884 гг. (когда и всему кружку) или же персонально — в Оптиной пустыни. Если так, то это было в 1888 г., и перед этим Леонтьев мог что-то поправлять в тексте.

Разговоры о романе возобновляются в 1889 г., когда редакция ново-созданного «Русского обозрения» — нотариус Н. М. Боборыкин (друг Леонтьева) и философ и поэт князь Д. Н. Цертелев (младший брат его тогда уже покойного друга по Константинополю) — начнет собирать портфель для первого года своего издания (журнал начнет выходить с января 1890 г.). 17 августа Леонтьев сообщает Губастову, что Боборыкин (сам он писал эту фамилию: Бобарыкин) просит у него

именно этот роман и обещает большой аванс [Леонтьев: 12. 2: 324]. Об этом же он рассказал и о. Иосифу Фуделю в письме от 6 сентября: «... Торгуюсь с Бобарыкиным об романе из русской жизни 70-х годов, где *пессимист à la* Гартман перейдет в искреннее Православие» [Леонтьев: 12. 2: 347]. Леонтьев настаивал, по благословиению старца Амвросия, на 1500 руб. аванса и дальнейшей оплате в 200 руб. серебром за лист. «*Не буду писать*, если на мои условия не согласятся. — *Так и От<ец> Амвросий благословил*» [Леонтьев: 12. 2: 347]. Этому предшествовали переговоры с Бергом, теперь редактором «Русского вестника». Еще 2 января тот писал, что будет рад «вещи беллетристической», хотя и находил название «Пессимист» «не то что мрачным, но скучным»¹. Но высокую оплату, которая была нужна Леонтьеву, он предложить не мог, почему писатель и предпочел дожидаться выхода нового журнала, а тем временем завершал свою большую статью о Л. Н. Толстом («Анализ, стиль и веяние»).

В мае 1890 г. по благословиению старца Леонтьев тянет жребий (после усиленной молитвы вынимает одну из трех бумажек, положенных за иконой) — что начать: возобновить заброшенный роман или начать какой-то из двух задуманных новых (все «в православном духе» (Филиппову, 29 марта 1891 г.) [Леонтьев 12. 3: 87]. По жребию вышло — писать роман «Подруги» (теперь «Русскому обозрению» он будет предлагать это произведение). Леонтьев был расстроен: заняться окончанием «Пессимиста» было бы ему «приятнее и легче», но «надо повиноваться жребию» (Александрову, 11 июня 1890 г.) [Леонтьев 12. 2: 473]. Новый замысел постигла, впрочем, такая же судьба, как и прежний... Последний год жизни Леонтьева был целиком отдан публицистике.

Остается сказать несколько слов о прототипах тех героев «Пессимиста», о которых мы знаем из сохранившегося текста. Владимир Львов — это сам Леонтьев (об использовании им этих же имени и фамилии уже было сказано выше), но, как выясняется, не только он. У этого героя (как у Александра Благова в «Одиссее Полихрониадесе» [Леонтьев 6. 1: 74]) есть еще по крайней мере один прототип — правнук М. И. Кутузова Михаил Александрович Хитрово (1837–1896)² (об этом — чуть ниже). Крестьянские дети имели своими прототипами

¹ ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 22, 23 об.

² См. о нем и его взаимоотношениях с Леонтьевым: [Фетисенко 2014].

Николая Орлова, его будущую жену Феню Кисёнку, дочь бывшего кудиновского дворового, и Варю Сворову, впоследствии, в замужестве, Пронину (она останется с Леонтьевым до конца его жизни). Влюбленной в Львова героине автор дает инициал «З.», совпадающий с начальной буквой имени его первой любви, Зинаиды Яковлевны Кононовой, впоследствии в замужестве Остафьевой (то же имя будет носить и одна из героинь «Подруг» — Зинаида Судогдина). Но от Кононовой взято лишь имя, а прообразом «З.» и Судогдиной являлась, по всем приметам, Людмила Осиповна Раевская (1848 – не ранее 1912), старшая дочь помещиков с. Карманова (соседнего с Кудиновым), впоследствии монахиня шамординского монастыря.

Греческая фамилия Аркадия Маврокордато отсылает к молдаванину и грекофилу (в конце жизни — послу в Афинах, а в годы дипломатической службы Леонтьева — драгоману посольства в Константинополе) Михаилу Константиновичу Ону (1835–1901)¹. В одном из писем к Губастову так и говорилось: «...Маврокордато (*вроде* Ону) философствует в русской деревне» [Леонтьев 12. 2: 324]. Упоминаются в третьей главе и другие персонажи — из посольского круга и общих знакомых главных героев: Мальцов (это может быть как Губастов, так и Н. П. Игнатьев); Семенов — «бестия, Богом помеченная», считающий, что «Львов “ужасный человек”» [Леонтьев 5: 756]. Данных слишком мало, чтобы утверждать что-либо определенное, однако последняя деталь — распространение дурного мнения о главном герое — подводит к предположению, что Семенову могли быть приданы какие-то черты хорошо знакомого Леонтьеву еще с начала 1870-х гг. Н. Н. Страхова. Высказываем это как одну из возможных предварительных версий.

И есть еще один персонаж — предмет спора Львова и Маврокордато, возмущающий второго и героизируемый первым Рахманов (антипод *Рахметова*, о чем просто «вопиет» его фамилия). Помимо антитезы герою Чернышевского важна и прямая этимология фамилии этого героя. «Рахман» — это тюркское название иноходца, т. е. перед нами тот, кто движется *иным* ходом, в своем роде «против течения» (напомним, что это один из вариантов названия романа). Наконец, фамилия говорила о восточном происхождении героя, что тоже важно, поскольку нет сомнений, что прототипом Рахманова послужил князь

¹ См. о нем: [Леонтьев 4: 1029–1030; Карцов 1906: 13–25].

Алексей Николаевич Цертелев (1848–1883), которым Леонтьев чрезвычайно заинтересовался в Константинополе.

Его детство прошло в Швейцарии, после окончания Московского университета он поступил на службу в Азиатский департамент МИД и уже через два года получил хорошее назначение — секретарем миссии в Белграде, а затем и в Константинополе. Цертелев не был только канцелярским работником: расцвет его деятельности приходится на 1876–1878 гг. В 1876 г. вместе с американским генеральным консулом Э. Скайлером он собирал сведения об устроенной турками резне в Македонии, присутствовал на Константинопольской конференции послов, а во время русско-турецкой войны «поступил в казаки и оказал отряду Генерала Гурко <...> немаловажную услугу, произведя, переодевшись болгаринном, обследование Ханкейского ущелья, через которое Гурко <...> появился неожиданно для турок в Казанлыкской долине» (неизданные мемуары Губастова) [Леонтьев 6. 2: 461]. Ср. в «Пессимисте»: «...какими-то летучими отрядами козаков, которые перешли Балканы и врывались в города с этим известным вам *aventurier* <авантюристом, фр.> Рахмановым во главе...» [Леонтьев 5: 570]. К концу войны у него было, что большая редкость, четыре солдатских Георгия¹. Он присутствовал при подписании Сан-Стефанского предварительного мирного договора, а когда приехал после этого в Петербург, сопровождая Игнатьева, был принят, пожалуй, как главный «виновник торжества».

Леонтьев, познакомившийся с Цертелевым в конце 1872 г. после года, проведенного на Афоне, отзывался об этом человеке «хищного» типа, по известному термину Ап. А. Григорьева, как о современном печоринце («по-печорински зол и язвителен» [Леонтьев 6. 1: 388]²), подчеркивал его ум, многочисленные таланты, но также и изощренный (чуть не до «демонизма») цинизм и неприкрытое желание «немедленного успеха, силы и влияния» [Леонтьев 6. 1: 391, 392].

Если младший брат дипломата, Дмитрий Цертелев, был известен как почитатель Шопенгауэра и Гартмана и автор работ о них, то о философских предпочтениях Алексея Николаевича не сохранилось прак-

¹ См.: [Карцов 1906: 40].

² Ср.: «Он ведь хуже Печорина...»; «Он ведь “бездна” в своем роде» [Леонтьев 11. 2: 58, 256].

тически никаких сведений. Леонтьев отметил лишь его «серьезно-образованный ум, равно способный и к теоретической мысли, и к самым быстрым и основательно-практическим соображениям» [Леонтьев 6. 1: 390]. Князь рано умер, и уже за три года до смерти страдал душевным недугом. Кроме незавершенного (и неизданного при жизни) леонтьевского мемуарного очерка («Князь Алексей Церетелев», 1883) [Леонтьев 6. 1: 388–397], главки в ожидающей еще своего издателя книге Губастова и фрагмента у Ю. С. Карцова, о нем практически нет воспоминаний, дипломатическая его деятельность тоже почти совершенно не изучена¹. Но и по небольшой леонтьевской мемуарной зарисовке многие черты, объясняющие «быстроту и натиск» его блистательной карьеры, выявляются достаточно ярко. В пользу объективности Леонтьева говорят свидетельства современников: характеристика Цертелева в неизданных мемуарах Губастова и в книге Карцова.

Губастов отметил такие черты своего коллеги: «...он был порывист, раздражителен, способен был гнаться за личным успехом, но при этих недостатках у него были огромные качества для политического деятеля, — личное обаяние, творчество, быстрота соображения и умение пользоваться людьми и обстоятельствами» [Леонтьев 6. 1: 462]². Применение этого умения на практике Леонтьев ярко описал в своем очерке, а Карцов подчеркнул цинизм «старшего товарища»: «Как истый политик-реалист, он был чужд сентиментальности; от холодного цинизма его суждений меня в моих пылких юношеских чувствах даже корбило» [Карцов 1906: 42].

¹ На эту тему нам известно только две малодоступные работы: *Гвинчидзе О. Ш.* А. Н. Цертели. Генеральный консул России в Болгарии. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); [Козьменко].

² Ср. также посвященный князю фрагмент в письме Губастова к Леонтьеву от 9 марта 1877 г.: «...маскара Цертелев. Он прославился своею деятельностью в Болгарии, своими пустозвонными (и уморительными в сущности) проектами реорганизации Болгарии, Боснии и т. п. Съездил в Ливадию, обедал там очень хорошо, получил камер-юнкерство, разъезжает теперь по Европе, украшается всевозможными орденами, беседует с журналистами и слова его передаются *in extenso* <полностью, лат.> по телеграфу во все концы мира. В промежутках же бьет баклуши, шопенгауерствует (т. е. то, что в 40-х годах называлось Печоринство), занимается спиритизмом с Графиною Соллогуб и издевается над единоверцами и единоплеменниками» (цит. по: [Фетисенко 2016: 89]).

Мемуарный очерк о Цертелеве, написанный сразу после его смерти, Леонтьев начал рассуждением о том, что этот «молодой герой и красавец» всегда казался ему настоящим героем современного романа, «прекрасного, большого и вовсе, разумеется не отрицательного» [Леонтьев 6. 2: 388, 389]. И тут мы можем вновь вспомнить письмо к О. Карцовой о том, что в его романе «будет ... Цертелев». Кстати, фотографию «мерзавца Цертелева» в октябре 1877 г. Леонтьев подарил своей московской юной поклоннице Вере Неклюдовой (в ответ на поддразнивания родителей та отвечала: «Что ж такое? — Это теперь историческое лицо!» [Леонтьев 11. 2: 128]), а про Карцову говорил, что хотел бы видеть ее женой такого именно человека, как этот молодой герой [Леонтьев 11. 2: 176].

По счастью, сохранившиеся листки «Пессимиста» содержат упоминание об очень характерном эпизоде, который Леонтьев, конечно, не мог обойти вниманием, хотя сам и не присутствовал при нем. Львов вспоминает о своей прерванной дуэли с Рахмановым: «Можно ли было поставить нас обоих в такое смешное положение. — Назначить людям десять секунд для выстрела... и после этого уйти. — Он медлил стрелять потому, что жалел меня; — он чувствовал себя неправым... Я просто и очень наивно не успел. — Я думал дать ему прежде выстрелить в надежде на случай промаха и потом, признаюсь, рассчитывал ранить его в ногу. — Я сам очень боялся убить его. — Он мне слишком нравился» [Леонтьев 5: 571].

Что же стоит за этим эпизодом? В 1876 г. Леонтьев из писем константинопольских друзей узнал о странной дуэли без выстрелов [Леонтьев 11. 2: 51], на которую было отведено не 10, как в романе, но тоже очень мало — всего 15 секунд¹, состоявшейся у М. А. Хитрово и Цертелева, до этого, несмотря на разницу в возрасте, бывших скорее приятелями. Хитрово, придравшись к самому пустому поводу², вызывает Цертелева (тогда адрианопольского консула, приехавшего всего на три дня в Стамбул) на дуэль, которая никак не могла состояться из-за сложных

¹ Ср. в письме Губастова к М. В. Леонтьевой от 5 июля 1876 г.: «...у них было 15 секунд для этого» (цит. по: [Леонтьев: 11. 2: 549]).

² Этот предлог годился бы скорее для каких-нибудь очень давних времен: в присутствии мужа Цертелев обратился, как бы не замечая его, к его жене (будущей «музе» Вл. С. Соловьева С. П. Хитрово). Вызов и ответ произнесены были по-французски. См.: [Леонтьев 11. 2: 548–549].

политических обстоятельств, а потом все же произошла, хотя и крайне своеобразно. Эту сцену Леонтьев и хотел ввести в свой роман, и вот почему и можно с уверенностью сказать, что Хитрово — наряду с самим автором — один из прототипов Львова. От своего друга детства Леонтьев придает таким персонажам, как Благов и Львов прежде всего именно «героические», рыцарственные черты.

Что касается «биографии» Рахманова, то в ней, судя по зачеркнутому фрагменту, тоже присутствовали детали, которые заимствованы не от Цертелева. Здесь упоминается история с «матрикулами», во время которой леонтьевский герой, не боясь угроз других — взбунтовавшихся — студентов («холопьев демагогии <...> жалких прихвостней прогресса» [Леонтьев 11. 2: 761]), идет именно «против течения», но к тому моменту Цертелеву было всего 13 лет. А вот будущий «белый генерал» М. Д. Скобелев — в 1861 г. студент Петербургского университета¹ — вполне мог быть на месте Рахманова. Любопытно, что и сам Скобелев в этом же фрагменте романа тоже упомянут: «...все прекрасное в Природе мне драгоценно.... Роза, тигр... Синее небо;... Скобелев;... Гёте;... Рахманов... все мое, — что для меня прекрасно...» [Леонтьев 11. 2: 761]².

Замысел романа, как видим, был дорогим, заветным для Леонтьева. Цепь житейских неудач помешала его завершению, а в самом конце жизни автор, готовящийся к скорому принятию тайного монашеского пострига, только и ждал, когда, наконец, сможет «не писать», по крайней мере «для печати», по благословиению старца [Леонтьев 12. 3: 133, 139, 146]. Утрата романа «Пессимист» («Против течения») — это одна из больших потерь русской литературы.

¹ Упоминаемый Леонтьевым «вопрос об этих матрикулах» [Леонтьев 11. 2: 548–549] поднимался именно в Петербурге. Комментарий см.: [Леонтьев 11. 2: 929–930].

² Этот пассаж перекликается с монологом Милькеева из романа «В своем краю», где рядом с «тигром» упомянут другой герой — древний Алкивиад [Леонтьев: 2, 23].

Список литературы
Источники

Карцов Ю. С. Письма К. Н. Леонтьева к Е. С., О. С. и Ю. С. Карцовым, с вступлением // Памяти Константина Николаевича Леонтьева, † 1891: Лит. сб. СПб.: Сириус, 1911. С. 235–308.

Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке, 1879–1886: Воспоминания политические и личные. СПб.: Экономическая типолитография, 1906. 393 с.

Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 724 с.

В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии / сост. Е. В. Ивановой. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.

Филиппов Б. А. Предисловие // *Леонтьев К.* Египетский голубь. Дитя души. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 5–32.

Исследования

Букреева Е. М., Фетисенко О. Л. Ольга Карцова в «хронологии жизни» Константина Леонтьева // Край Смоленский. 2021. № 4. С. 3–9.

Иванов Вяч. Вс. Повести Константина Леонтьева о православных на юго-востоке Европы и борьба с европейским неогуманизмом // *Иванов В. В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры: в 3 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. Статьи о русской литературе. С. 110–119.

Иваск Ю. П. Константин Леонтьев: Жизнь и творчество (1831–1891) // К. Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. Кн. 1. С. 229–650, 663–675.

Козьменко И. В. Русский дипломат А. Н. Цертелев — защитник интересов болгарского народа // Балканский исторический сборник. Кишинев: Штиинца, 1973. Вып. III. С. 323–343.

Котельников В. А. «Имеет достоинство историческое» (К. Н. Леонтьев и Б. М. Маркевич) // Словесность и история. 2021. № 4. С. 157–166. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-4-157-166

Котельников В. А. Парадокс о писателе // *Леонтьев К. Н.* Египетский голубь. М.: Современник, 1991. С. 3–17.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.

Фетисенко О. Л. Из босфорского table-talk 1874 года: М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии // Русская литература. 2016. № 1. С. 80–89.

Фетисенко О. Л. Неизданные воспоминания и письма К. А. Губастова (1845–1919) — исторический источник и памятник литературы // История отечествен-

ной культуры в архивных документах: Сб. статей. СПб.: Российская нац. б-ка, 2021. Вып. 2. С. 57–66.

Фетисенко О. Л. «...Сколько русских лиц там было списано почти с натуры» (Утраченная романная эпопея К. Н. Леонтьева «Река времен» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб.: Росток, 2013. С. 131–141.

Фетисенко О. Л. Философия пессимизма Эдуарда Гартмана в осмыслении Константина Леонтьева и его окружения // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 2018. С. 273–276.

Фетисенко О. Л. Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 97–146.

References

Bukreeva, E. M., Fetisenko, O. L. “Olga Kartsova v ‘khronologii zhizni’ Konstantina Leontieva” [“Olga Kartsova in K. Leontiev’s ‘Chronicle of Life.’”]. *Krai Smolensky*, no. 4, 2021, pp. 3–9. (In Russ.)

Ivanov, Vyach. Vs. “Povesti Konstantina Leontieva o pravoslavnykh na yugovostoke Evropy i bor’ba s evropeiskim neogumanizmom” [“Konstantin Leontiev’s Tale of the Orthodox in the South-East of Europe and the Struggle Against European Neo-Humanism”]. Ivanov, Vyach. Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul’tury: v 3 t.* [Selected Works on Semiotics and Cultural History: in 3 vols.], vol. 2: Stat’i o russkoi literature [Articles on Russian Literature]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 2000, pp. 110–119. (In Russ.)

Ivask, Iu. P. “Konstantin Leont’ev: Zhizn’ i tvorchestvo (1831–1891)” [“Konstantin Leontiev: Life and Work (1831–1891)”]. *K. N. Leontiev: pro et contra: Antologiya v 2 knigakh* [K. N. Leontiev: Pro et Contra: Anthology in 2 Books], book 1. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 1995, pp. 229–650, 663–675. (In Russ.)

Kozmenko, I. V. “Russky diplomat A. N. Tsertelev — zashchitnik interesov bolgarskogo naroda” [“Russian Diplomat A. N. Tsertelev — Defender of the Interests of the Bulgarian People”]. *Balkanskii istoricheskii sbornik* [Balkan Historical Collection], issue III. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1973, pp. 323–343. (In Russ.)

Kotel’nikov, V. A. “‘Imeet dostoinstvo istoricheskoe’ (K. N. Leont’ev i B. M. Markevich)” [“‘It Has the Merit of a Historical Work’ (Konstantin Leontiev and Boleslav Markevich)”]. *Slovestnost’ i istoriia*, no. 4, 2021, pp. 157–166. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-4-157-166 (In Russ.)

Kotel’nikov, V. A. “Paradoks o pisatele” [“Paradox about the Writer”]. Leontiev, K. N. *Egyptian Dove* [Egyptian Pigeon]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, pp. 3–17. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Heptastilysty”: Konstantin Leont’ev, ego sobesedniki i ucheniki [“Heptastylists”: Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Disciples]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 784 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Iz bosforskogo table-talk 1874 goda (M. A. Khitrovo i ego neizdannaya epigrama na prozelita transsentsental’noi filosofii)” [“From the Bosphorus Table-talk in 1874 (M. A. Khitrovo and His Unpublished Epigram on the Proselyte of Transcendental Philosophy)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2016, pp. 80–89. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Neizdannye vospominaniia i pis’ma K. A. Gubastova (1845–1919) — istoricheskii istochnik i pamiatnik literatury” [“Unpublished Memoirs and Letters of K. A. Goubastov — a Historical Source and a Literary Monument”]. *Istoriia otechestvennoi kul’tury v arkhivnykh dokumentakh* [History of National Culture in Archival Documents], issue 2. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2021, pp. 57–66. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Skol’ko russkikh lits tam bylo spisano pochti s natury” [“How Many Russian Faces there were Copied almost from Nature”]. *Nikita Petrovich Giliarov-Platonov: Issledovaniia. Materialy. Bibliografiia. Retsenzii* [N. P. Gilyarov-Platonov: Research. Materials. Bibliography. Reviews]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013, pp. 131–141. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Filosofia pessimizma Eduarda Gartmana v osmyslenii Konstantina Leont’eva i ego okruzheniia” [“The Philosophy of Pessimism of E. von Hartmann in the Understanding of K. Leontiev and His Environment”]. *Aktual’nye voprosy sovremennogo bogosloviia i tserkovnoi nauki. Sbornik dokladov* [Topical Issues of Modern Theology and Church Science. Collection of Reports]. St. Petersburg, St. Petersburg Theological Academy Publ., 2018, pp. 273–276. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Epizody iz zhizni konsula (K. N. Leontiev i M. A. Khitrovo)” [“Episodes from the Consul’s Life (K. N. Leontiev and M. A. Khitrovo)”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2013]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, pp. 97–146. (In Russ.)